

ЭМИРОВА А. М.

**К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНОЙ СУЩНОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ (ИДИОМАТИЧЕСКИХ) ПРЕДИКАТОВ**

По характеру смыслового содержания и по назначению в системе языка фразеологизмы принадлежат к классу знаменательных, полнозначных языковых единиц. Дихотомическая классификация языковых знаков (знаменательные и служебные, полнозначные и неполнозначные) в новейшем языкознании неоднократно подвергалась всестороннему пересмотру. В частности, были введены некоторые дополнительные основания классификации — учет особых знаковых признаков языковых единиц. Так, А. А. Уфимцева при классификации слов по семиологическим свойствам предлагает учитывать следующие факторы: 1) наличие (отсутствие) и характер соотношенности денотативного и сигнификативного компонентов, составляющих основу знакового значения слова; 2) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными знаками (речемыслительную, коммуникативную, номинативную, прагматическую) и др. [1, с. 34; 2, с. 84]. Эта классификация дополняется другой, учитывающей обусловленность содержания языковых единиц их ролью в сообщении. Коммуникативный подход позволил выделить два типа языковых единиц — идентифицирующие и предикатные единицы [3—8].

Идиоматика современного русского языка представлена преимущественно предикатными (признаковыми) именами. Идиомы с так называемым идентифицирующим значением составляют количественно незначительный разряд единиц, выполняющих собственно номинативную, терминологическую функцию и являющихся названиями естественных объектов. Среди них исследователи отмечали и выделяли названия (преимущественно народные) объектов флоры и фауны (*пастушья сумка, львиный зев*), болезней (*антонов огонь*), бытовые наименования (*мертвый час, гусиные лапки «морщины»*) и др.

Предикативно-характеризующий тип значения основной массы фразеологических единиц обусловлен тем, что их содержание формируется в высказывании в качестве его предикативного (пропозиционального) ядра для удовлетворения определенной коммуникативной и прагматической потребности и постоянно шлифуется под влиянием выполняемой ими коммуникативной роли. Фразеологическое значение, таким образом, представляет собой своеобразную конденсацию семантической структуры предложения.

Эту специфику фразеологического значения отмечал еще акад. В. В. Виноградов. Среди языковых причин, способствующих формированию фразеологических единств, акад. В. В. Виноградов отмечал синтаксическую специализацию таких единиц, т. е. их употребление в строго фиксированной грамматической форме и синтаксической функции. Например, шутливо-фамильярное выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого: *Медик пьян как сапожник. На сцену н о л ь в н и м а н и я* [9]. Можно провести аналогию между фразеологическими единствами такого типа и словами с функционально-синтаксически ограниченными значениями. Отмечая, что синтаксические свойства подобных слов в роли члена предложения (сказуемого) как бы включены в их семантическую характеристику, В. В. Виноградов определил их значение как предикативно-характеризующее [10—11]: выполняя функцию сказуемого, они одновременно оценивают, характеризуют те или иные признаки предмета.

Предикатный (признаковый) характер семантики идиом не исключает номинативной предназначенности таких единиц, т. е. их отнесенности — через концептуальное содержание — к объективному миру, их способности представлять, репрезентировать признаки предметов, называемых идентифицирующими словами¹. В речевых актах идиомы не только сообщают новую информацию о предмете речи (о свойствах, качествах, действиях, состояниях и других признаках предметов), названном идентифицирующим именем, но одновременно являются и названиями сообщаемых признаков. Трудности, возникающие при выявлении номинативной сущности актуализируемых в речи фразеологических единиц, связаны прежде всего со спецификой их денотатов: они называют не классы дискретных предметов реальной действительности, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслятся вне этих предметов, «включены» в них.

Идиомы представляют собой также признаковые имена, которые обозначают и характеризуют преимущественно психические состояния и свойства человеческой личности (эмоции, чувства, проявления интеллектуальной деятельности), ее моральные качества, дают ее социальную, межличностную оценку. Эти характеристики человека не существуют в качестве «отчужденных» от него признаков, не являются чем-то внешним по отношению к нему².

Известно, что дискретные объекты действительности (в философии им соответствует категория вещи) относительно легко воспринимаются, вычленяются и именуется как в онтогенезе — в ходе индивидуального развития человеческой личности, — так и филогенетически — в ходе поступательного развития общественного познания (науки) в целом. Что касается свойств и качеств предметов, особенно их отношений, то они открываются и классифицируются постепенно, в процессе практической деятельности и научного познания природы человеком. «Категория отношения является более сложной и абстрактной, чем, скажем, категории вещи и свойства. Вещи и свойства часто можно непосредственно видеть, слышать, вообще чувственно воспринимать. Отношение же чувственно не воспринимается. Не случайно ребенок усваивает понятия об отношениях позже, чем понятия о вещах и свойствах» [14]³.

Номинативная сущность фразеологических предикатов проясняется и при обращении к коммуникативным аспектам синтаксиса, к категориям синтаксической семантики. Известно, что основная масса фразеологических единиц (субстантивные, адъективные, глагольные, часть наречных) функционирует в качестве сказуемого в предложениях разного структурного типа. Многообразные и разносторонние отношения между предмета-

¹ Привнося отношение «имя существительное — предмет» основным, ядерным типом номинации, В. Г. Гака считает, что «расширение понятия лингвистической номинации идет как за счет широкого понимания ее содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте» [12]. Выражение в языке несубстанциональных элементов действительности (свойств, качеств, отношений, процессов, действий, состояний) с помощью прилагательных, наречий, глаголов, по мнению В. Г. Гака, тоже следует квалифицировать в качестве номинации.

² Понимая психическую деятельность в качестве неотъемлемого параметра человеческой личности, в речи говорящие, тем не менее, склонны экстернизировать константы психики — «чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим „я“ в определенные, дружеские или враждебные, отношения...» [4, с. 94]. Такая экстернизация компонентов психики происходит лишь на поверхностно-грамматическом уровне предложения (ср.: *В нас горят желанья — Мы желаем; У меня душа ушла в пятки — Я испугался* и др.). Она обусловлена сложностью «ненаблюдаемости» внутреннего мира человека, который именно в силу этого моделируется по образу внешнего, материального мира [ср. 13].

³ Высокой степенью абстракции, свойственной значениям идиом, отражающих различные свойства и отношения предметов реального мира (в том числе и «невидимого» — человеческой психики), можно объяснить явления этимологизации, буквального понимания значения идиом разного типа (в частности, пословиц) детьми младшего возраста. Только с развитием у ребенка абстрактного мышления ему становится доступным фигуральный смысл идиом, и он начинает использовать их в своей речи.

ми объективного мира находят в языке соответствие в определенных синтаксических моделях. Картина мира, отражаемая в содержании текста, «не может объективироваться иначе, чем в синтаксических моделях, предназначенных языком для того или иного содержания» [15, с. 15] ⁴.

Центральной категорией семантической структуры предложения, формирующейся на основе взаимодействия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, является (наряду с субъектом) предикативный признак, т. е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане, — в комплексе значений времени и реальности (нереальности) [17, с. 124]. Категория признака реализуется как действие, состояние или свойство, т. е. в форме классических предикатов — глаголов и различных образований с *быть*, выступающих в функции сказуемого. Следовательно, тип предложения (синтаксическая модель, схема), лежащий в основе его семантической структуры, обусловлен типом предиката (в том числе и фразеологического), который в свою очередь соотносится с объективной действительностью, отражая ее так, как это доступно нашему языковому сознанию ⁵. В этих различных структурных типах предложений и проявляется «план связи предложения с внеязыковым миром» [15, с. 24].

О нерасчлененности функций указания и сообщения в содержании предикатных единиц свидетельствует, на наш взгляд, и тесная связь субъекта и предиката: субъект предназначен не только для идентификации предмета речи, но «имеет еще одну достаточно важную задачу — эксплицировать значение предиката, создавая для него семантический фон... Связь с предикатом осуществляется не только через родовые признаки, присущие субъекту, но и через его индивидуальные черты. В субъекте поэтому часто эксплицируются те именно свойства, которые должны обеспечить понимание или должную оценку поступающей о нем новой информации» [19]. Таким образом, субъект, будучи семантически бифункциональным (в его содержании наличествуют как идентифицирующий, направленный на внеязыковую действительность семантический компонент, так и компонент характеризующий, сообщающий, направленный на предикат), тем самым обеспечивает референцию предиката (resp. актуализирует его в качестве номинативной единицы).

Дополнительную аргументацию в пользу нашего мнения мы усматриваем и в явлении «обратимости» субъекта и предиката, наблюдаемом в структуре тема-рематической основы высказываний, образующих относительно законченный текст ⁶. В процессе текстообразования номинация и предикация могут постоянно меняться местами (ролями): номинация как тема рассматриваемого предложения может восходить к предикации как реме предшествующего предложения. Иначе: рема (предикат) предыдущего предложения преобразуется в тему (субъект) последующего, рема которого в свою очередь может быть оформлена в качестве темы следующего за ним предложения. Например: *Я люблю тебя. Моя любовь сильна и безгранична. Сила любви моей способна разрушить все преграды* и т. д. Использование предикатных имен в целях конкретной референции (в позиции субъекта) требует, как правило, местоименных де-

⁴ Ср.: «В конечном счете все лингвисты... исходят из признания того, что семантическая структура предложения... изоморфна отражаемой им реальной ситуации» [16].

⁵ Результаты познания человеком объективной действительности, свойств, качеств предметов и отношений между ними объективируются лишь в языке, с помощью различных языковых форм. Аргументируя это положение, Э. Бенвенист, как известно, обратился к анализу категорий Аристотеля, полагавшего, что он имеет дело с универсальными свойствами, являющимися потенциальными предикатами любого объекта. Оценивая категории Аристотеля, Э. Бенвенист пришел к выводу, что эти категории суть категории того языка, на котором Аристотель мыслил, т. е. древнегреческого: «Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства» [18].

⁶ Отношения «субъект — тема — идентифицирующее имя/предикат — рема — признаковое имя» являются наиболее типичными, классическими. В реальных же речевых условиях они могут существенно трансформироваться.

терминативов (*этот, тот, мой, наш* и др.), которые выполняют функцию идентификации не изолированно, а только в сочетании с этими предикатными именами [ср. 4, с. 349].

Описанные выше явления получили название номинализации или грамматической метафоры [20]. Номинализация — это представление признака предмета (свойства, действия, состояния и т. п.) в виде субстанции, опредмечивание, субстантивация глагольных и адъективных единиц: *бежать — бег, белый — белизна, гадать на кофейной гуще — гадание на кофейной гуще, переливать из пустого в порожнее — переливание из пустого в порожнее* и т. д.

Номинация создается в русле предикации и сама является источником предикации. Конкретный речевой акт представляет собой непрерывный процесс взаимоперехода предиката как носителя ремы в субъект, выступающий в качестве носителя темы последующего предложения. Следовательно, признание референтности идентифицирующих единиц влечет за собой и констатацию референтности (герр. номинативности) предиката.

Привлекают внимание и случаи употребления предикатных существительных со значением лица в функции обращения: *Молчи, пустая голова!*; *Дак тропочка-то где ж, мякинная ты голова?*; *Ты для чего тут поставлен, дубина стоеорова я?* и др. Основная функция обращения (название того, к кому направлена речь) часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего к адресату речи [17, с. 164]. Употребление предикатных имен в функции апеллятивов «выявляет» их функциональную двойственность: в таких речевых условиях в их содержании актуализируются и идентифицирующий, и признаковый компоненты.

Дифференциация содержания идентифицирующих и предикатных имен носит не абсолютный, а относительный характер, на что неоднократно указывали исследователи. По мнению Г. В. Колшанского, «...грамматический субъект и предикат как результат функционального членения высказывания по существу безразличны к тем значениям, которые заключаются в словах и словосочетаниях, выступающих в роли субъекта и предиката... Что касается классов слов, семантических или морфологических, то о них можно говорить в этом плане как о словах с той или иной преобладающей синтаксической функцией. Например, так называемые имена идентифицирующие и предикатные по существу выполняют соответственно субъектную и предикатную роль в высказывании, но это абсолютно не означает принципиального ограничения для этих классов слов выступать и в противоположных функциях в различных типах высказываний» [21].

Постулируя номинативный характер фразеологической семантики, мы могли бы утверждать, что фразеологизмы именуют не предметы (в широком смысле), а понятия о них (такое мнение встречается в специальной литературе). Известно, однако, что обозначение предмета всегда опосредовано понятием о нем, причем содержание понятия является отражением в нашем сознании совокупности существенных отличительных свойств, признаков и отношений предмета. Кроме того, принятие такой точки зрения привело бы нас к признанию унилатеральности, односторонности языкового знака. Мы же стоим на позициях двусторонней природы языкового знака: первая сторона знака — его материальный экспонент, чувственно воспринимаемый в процессе общения, вторая сторона — идеальная, «включающая а) отражение экспонента в сознании и б) общественно закрепленную за этим экспонентом содержательную информацию, т. е. содержание знака» [22, ср. 23—24]. «Сущность всякого знака заключается в том, что он является знаком „чего-то“, а это „что-то“, конечно, должно быть вне его самого — иначе знак и не был бы знаком...» [25]. Это «что-то», находящееся вне фразеологических знаков, сводится к признакам (в широком смысле) предметов объективного мира, отражаемым в языковых формах.

Иллюзия референтности, неноминативности идиом может поддерживаться, таким образом, спецификой их денотатов: это не классы предметов, а классы признаков предметов. Они существуют в объективной действи-

тельности не изолированно (хотя как объекты научного познания они могут «отчуждаться» от предметов), а в качестве своеобразных инкорпораций в «плоть» предметов, являясь их сущностными характеристиками.

Следовательно, фразеологические единицы могут быть квалифицированы как бифункциональные знаки, осуществляющие и идентифицирующую, и предикатную функции. Эта функциональная двойственность фразеологических знаков обнаруживается в том, что их знаковая форма представляет собой свернутую пропозицию, субъект которой включен в нее в качестве облигатной переменной. Идиомы неравноценны, неоднородны семантически и функционально, в частности по их способности идентифицировать и оценивать предметы внеязыковой действительности. Характеристика идиом по их соотношению с действительностью и мышлением может стать предметом самостоятельного научного исследования⁷.

Высказанные нами соображения согласуются с существующими в современном отечественном языкознании концепциями лексического значения [1—8, 20, 26, 27]. Нами сделана попытка приложить, «примерить» эти концепции к фразеологическому материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева А. А. Семантика слова.— В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.
2. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
3. Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова.— ФН, 1973, № 3.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
5. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст.— В кн.: *Языковая номинация. Виды наименований*. М., 1977.
6. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения.— В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М., 1980, с. 162 и сл.
7. Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии).— В кн.: *Языковая номинация. Общие вопросы*. М., 1977.
8. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
9. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 27.
10. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— ВЯ, 1953, № 5, с. 24.
11. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. наук. Л., 1946, с. 63.
12. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций.— В кн.: *Языковая номинация. Общие вопросы*. М., 1977, с. 233.
13. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 47.
14. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 47.
15. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
16. Распопов И. П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения.— ВЯ, 1981, № 4, с. 26.
17. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 111.
19. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта.— ИАН СЛЯ, 1979, № 4, с. 331—332.
20. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
21. Колшанский Г. В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката.— ИАН СЛЯ, 1979, № 4, с. 321.
22. Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? — В кн.: *Язык и мышление*. М., 1967, с. 285.
23. Уфимцева А. А. Понятие языкового знака.— В кн.: *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. М., 1970, с. 112 и сл.
24. Солнцева В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 109—112.
25. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 15—16.
26. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды.— В кн.: *Языковая номинация. Виды наименований*. М., 1977.
27. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости.— В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

⁷ В [20, с. 136—222] на материале фразеологических сочетаний разработана оригинальная типология связанного значения слова в его отнесенности к миру.